

НА БѢЛОЙ ЛОШАДИ.

Разсказъ.

Странно это вышло... Еще такъ недавно личная жизнь студента Баулина и ему самому представлялась какимъ-то узкимъ неразрывнымъ кольцомъ. И трудно, невыносимо было ему жить въ тискахъ разочарованія и безцѣльности... Часто онъ задумывался о самоубійствѣ и носился съ этой мыслью, какъ съ новой тяжестью души. А теперь недавнее разочарованіе словно отошло куда-то, нашлась и цѣль жизни, и новая любовь къ этой жизни.

Цѣлые дни бродить онъ по Петербургу и чувствуетъ себя слитымъ съ улицей. Еще недавно онъ какъ будто не любилъ людей, а теперь живетъ всей полнотою горячей любви къ людямъ.

Черезъ весь городъ носится студентъ Баулинъ пѣшкомъ или на трамваѣ и усталости не чувствуетъ. Живетъ на Васильевскомъ островѣ, а въ казармы является ежедневно на Загородный. И цѣлые дни Баулинъ проводитъ среди запасныхъ, завелъ много новыхъ и интересныхъ знакомствъ и изъ интеллигентовъ, и изъ рабочихъ, и изъ мужиковъ, которые недавно прибыли въ столицу изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи.

Всѣ эти люди въ новой обстановкѣ кажутся Баулину такими же нужными, какъ и онъ самъ.

Не такъ давно Баулинъ говорилъ невѣстѣ своей, курсисткѣ Наденькѣ:

— Какъ это хорошо, Надя, ощущать себя нужнымъ и жить съ яснымъ представленіемъ о цѣли...

И послѣ паузы еще добавлялъ:

— И какое это хорошее чувство—любить свою родину... Я, кажется, только теперь и научился любить родину... Именно теперь...

За эти дни и Наденька отдала себѣ отчетъ въ своей любви къ той же матери-родинѣ. Какъ-то страшно до сихъ поръ она,

какъ и ея милый Ниль, не отдавала себѣ отчета въ любви къ родинѣ. Любила она народъ—крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ, кое-кто и изъ интеллигентовъ правился ей. Но всю родину представляла она себѣ только какъ родину мужиковъ, родина для нея была это—мужики, а теперь она любить и купцовъ, и къ городскому относится терпимо, всѣхъ любить,—всѣхъ, кто живетъ въ обширной, большой Россіи. Это чувство было новое и такое волнующее.

При этомъ Ниль думалъ еще и о той странной женщинѣ, съ которой познакомился недавно при такой исключительной обстановкѣ. Разочарованная, тоскующая о счастіи и ищущая цѣли жизни, Серафима Власовская такъ походила въ то время на него.

Гроза войны пугала воображеніе отдаленными зарницами, а въ Серафимѣ Власовской уже проснулся человѣкъ, который вдругъ какъ-то нашелъ свое настоящее мѣсто въ жизни и разомъ опредѣлилъ цѣль жизни.

Въ странную ночь ихъ встрѣчи весь Петербургъ узналъ изъ вечернихъ газетъ о томъ, что Австрія объявила войну Сербіи и уже начала бомбардировку Бѣлграда.

И Серафима такъ просто сказала въ отвѣтъ на вопросъ Нила:

— Теперь всему прошлому конецъ... Ёду въ Сербію на театръ военныхъ дѣйствій. Пусть возьмутъ меня сестрой милосердія, сидѣлкой, кѣмъ угодно...

Припоминая теперь и ту странную ночь, и встрѣчу съ Власовской, и эту ея фразу, Баулинъ чувствовалъ, что теперь онъ уже какой-то иной любовью любить Наденьку, и мимолетное увлеченіе Власовской приняло вдругъ какой-то новый обликъ. И какъ странно, что только теперь, въ „эти“ дни, онъ сталъ говорить Наденькѣ „ты“, и та не изумилась этой перемѣнѣ и тоже стала говорить ему „ты“. Любили они другъ друга года два, если не больше, и были какъ-то далеки другъ отъ друга. А въ эти дни сблизились и стали товарищами или какъ братъ и сестра.

— Надя,—говорилъ онъ,—а ты замѣчаешь, за эти дни люди стали другими. Нѣтъ этой уличной брани и толкотни, спора изъ-за мелочей. И пьяныхъ не видно на улицѣ, а въ газетахъ пишутъ, будто теперь и участки пусты—нѣтъ преступленій...

— Да, милый, да,—шептала она, и глаза ея дѣлались влажными.

Такъ разсуждали запасный Баулинъ, бывшій студентъ, и курсистка Наденька, которая теперь ходила на курсы сестеръ милосердія и готовилась къ новой жизни. На тѣхъ же курсахъ На-

денька познакомилась и съ Власовской. Въ началѣ знакомства она приревновала Нила къ красивой женщинѣ, а теперь успокоилась, и Нилъ для нея, какъ и Власовская—братъ и сестра. И всё они чувствовали свое перерожденіе. Какъ будто всё трое выпили живительной влаги изъ какого-то одного источника и теперь переродились и ожили.

Надо же рассказать, какъ это случилось. Жили трое—студентъ Баулинъ, курсистка Наденька и дѣвушка странной профессіи по имени Серафима,—жили такъ, томилась и теперь вдругъ ожили. Долго рассказывать о подробностяхъ ихъ жизни, да это, пожалуй, и не нужно. Важны только послѣдніе аккорды былой жизни, чтобы оцѣнить, какими новыми аккордами зазвучала ихъ жизнь.

Нѣсколько лѣтъ назадъ Баулинъ увлекался партійной работой, но давно уже отсталъ и сталъ прятаться отъ „своихъ“. Однако и къ „чужимъ“, новымъ друзьямъ своей жизни, какъ-то не могъ прицѣпиться. Измѣнилъ партійнымъ друзьямъ и сталъ заниматься науками, исправно посѣщалъ лекціи, цѣлые дни проводилъ или въ Публичной библиотекѣ, или въ университетской. Но вотъ и въ наукѣ онъ разочаровался, не успѣвъ познать ея сладкихъ плодовъ.

Часто онъ цѣлые вечера проводилъ въ маленькой комнаткѣ Наденьки или Наденька придетъ къ нему, расположится, какъ дома, и они не замѣчаютъ, какъ идетъ время. Сидятъ по вечерамъ вмѣстѣ и чувствуютъ себя счастливыми. Иногда Баулинъ обниметъ Наденьку, прильнетъ къ ней и ощущаетъ щекою мягкіе локоны ея волосъ. А то вдругъ разгорится въ немъ зябкая дрожь, и онъ до боли обниметъ невѣсту и цѣлуетъ ее.

А Наденька вдругъ встрепенется вся, горячимъ поцѣлуемъ отвѣтитъ на поцѣлуй Баулина, а потомъ проведетъ рукою по лицу, сдвинетъ со лба упавшія, растрепавшіяся пряди волосъ и отодвинется отъ Баулина.

И точно холодомъ какимъ-то обдастъ Баулина, и онъ съ глубоко скрытымъ негодованіемъ отодвинется отъ Наденьки. Задыхается въ порывахъ любви Баулинъ. Робко подходитъ къ любви странная Наденька, какъ будто не понимаетъ она, что творится съ ея другомъ, не хочетъ понять и себя. И кажется Баулину, что охладѣла къ нему Наденька только потому, что онъ не интересный мужчина. Недаромъ она называетъ его „кисляемъ“.

„Кисляй! Кисляй!“ Какое позорное это имя для мужчины, который хочетъ любить.

Иногда, точно наважденіе какое-то непреодолимое, одолѣва-

еть Баулина мысль о самоубійствѣ. Въ тоскѣ, прячась отъ людей, избѣгая встрѣчъ съ Наденькой, ходитъ онъ по улицамъ или лежитъ въ своей, надоѣвшей ему, комнатѣ и думаетъ о смерти, и сильны эти страшныя мысли. Всѣ привязанности къ жизни кажутся утратившими свой смыслъ, прошлое кажется темнымъ пятномъ и будущее ничѣмъ не привлекаетъ. И хочется ему разорвать кольцо жизни и освободиться изъ его тисковъ.

Сдержанная въ любви, странная, тоскующая Наденька все же ждала отъ будущаго ласкъ и счастья.

„Вотъ кончу курсъ, выйду за Баулина, и будемъ мы любить другъ друга“.

Такъ думаетъ Наденька, и эта фраза для нея—неизмѣнная программа жизни. А Баулину любовь Наденьки представляется чувствомъ безъ будущаго.

„Да и нѣтъ этой любви,—говоритъ онъ самъ себѣ.—Ну и пусть“...

А остается наединѣ и думаетъ:

„Если бы я умиралъ естественной смертью, лежалъ бы въ постели, лѣчилъ у докторовъ и вмѣстѣ съ ними боролся бы со смертью. И во мнѣ была бы настоящая любовь къ жизни и боязнь смерти... А все мое существованіе—презрѣніе къ жизни и тяготѣніе къ смерти“.

Такъ думалъ Баулинъ. И однажды воскликнулъ:

— Какая чепуха...

И эти два слова оттягивали моментъ его рѣшенія умереть.

Однажды вечеромъ Баулинъ и Наденька гуляли по набережной, остановились около Сфинксовъ и почему-то долго смотрѣли на холодныя молчаливыя глыбы, точно ожидая, что вотъ скажутъ имъ что-то эти большіе, неподвижныя и мертвыя глаза.

И вдругъ почему-то Баулинъ протянулъ руку къ холоднымъ изваяніямъ и съ дѣланнымъ паѳосомъ воскликнулъ:

— Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ изваяли васъ, холодныя, неподвижныя... Цѣлые вѣка ваши глаза были обращены въ сторону жизни, человѣческихъ радостей и горя, паденія и неудачъ, страстей, слезъ, мукъ вдохновенія, паденія и борьбы... Что же вы поняли въ этой жизни?... Расскажите мнѣ, что вы поняли?...

Сфинксы молчали.

Наденька-курсистка размѣялась и сказала:

— Ну-у... идемте, Ниль Александровичъ... мнѣ холодно...

Въ ненастную ночь было холодно на набережной Невы около

академіи художествъ. Неслись по небу темныя тучи. Плескалась темная вода за гранитнымъ парашетомъ, и отъ отраженія огней въ водѣ вѣяло холодомъ.

— Вы—счастливая, Наденька,—прервалъ онъ ее:—вамъ холодно... Вы чувствуете холодъ...

— А вамъ не холодно?—съ тревогой въ голосѣ спросила она и вскинула на него глаза.

— А я,—продолжалъ Баулинъ, какъ бы не слыша ея словъ,— а я утратилъ способность чувствовать что-либо.

— Какъ, вы и меня перестали любить?—воскликнула Наденька и слегка пожала его пальцы.

— Васъ я люблю, Наденька... но...

— Ну, что... „но“?

— Но что же будетъ дальше съ нашей любовью?

Онъ помолчалъ съ секунду и, перемѣнивъ тонъ на враждебный, добавилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Вы любите меня какъ-то особенно. Какъ будто вмѣсто сердца у васъ мѣшокъ съ мозгами... Такъ любить нельзя...

— Богъ мой!—воскликнула Наденька, и по лицу ея не трудно было догадаться, что слова спутника разсердили дѣвушку.

Немного отступивъ отъ Баулина, она воскликнула:

— Но мы уже все выяснили: получимъ дипломы, уѣдемъ на родину, обвѣнчаемся...

— Ну, а дальше что?

— Вернемся въ Петербургъ.

— А дальше что?

— Объ этомъ не стоитъ и думать... Примемъ жизнь, какова она есть...

Эти слова Наденька произнесла покорнымъ тономъ, но Баулинъ возразилъ:

— А я не могу принять жизни такой, какова она, и не хочу...

— Чего же вы хотите?

— Не знаю я...

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

Послѣ грустнаго раздумья Баулинъ сказалъ:

— Какъ мы опустились, измельчали... Въ былое время курсистки и студенты мечтали объ общественномъ служеніи, а мы... Мы даже и любимъ не сердцемъ, а какимъ-то мѣшкомъ съ мозгами.

Она отвернулась, нахмуривъ брови. Баулинъ, шедшій подъ руку съ Наденькой, почувствовалъ, что дѣвушка вырываетъ руку. Вотъ она высвободила руку, и они опять молча прошли нѣсколько шаговъ.

Какъ будто ни къ кому не обращаясь, Баулинъ началъ:

— Не удивительно, что человѣкъ побѣдилъ природу, такъ сказать, подчинилъ ее себѣ, и теперь слагаетъ гимнь побѣды... А вы вотъ что скажите мнѣ: когда человѣкъ сочинить новый гимнь себѣ, побѣдивъ свой внутренній міръ?

— Нилъ Александровичъ,—прервала его дѣвушка.—Ну, право же, сейчасъ мнѣ не хочется думать о такихъ высокиихъ матеріяхъ... Я думала—прогуляемся мы, какъ раньше, побудемъ вдвоемъ... Такъ хорошо быть вдвоемъ...

Она заглянула въ его мрачные глаза и съ надрывомъ въ голосѣ воскликнула:

— Ну, отчего вы такой?... Отчего у васъ такія тяжелыя мысли?

— Тяжелыя мысли,—какъ эхо повторилъ онъ.—Это вы не дурно опредѣлили.

— Ну, конечно...

Они перешли улицу около академіи художествъ и направились вдоль панели по Четвертой линіи, а потомъ снова перешли улицу и направились въ узкій и полутемный Академическій переулокъ.

У подъѣзда темнаго дома Наденька остановилась.

— Зайдемте ко мнѣ,—предложила она Баулину и добавила тревожнымъ тономъ,—мнѣ не хочется отпускать васъ такимъ мрачнымъ.

Онъ улыбнулся съ ехидствомъ, но промолчалъ.

— Пойдемте же, еще не поздно,—настаивала она.

— А если бы было поздно, вы не позвали бы меня? — спросилъ онъ такимъ тономъ, отъ котораго Наденькѣ вдругъ стало не по себѣ.

— Зачѣмъ вы такой? Зачѣмъ... милый Нилъ... — воскликнула она.

Но и эти нѣжныя слова не развѣяли его мрачнаго настроенія. И онъ хмуро сказалъ:

— Поздно... спите... до завтра...

Онъ медленно разстегнулъ шинель, посмотрѣлъ на часы и добавилъ:

— Четверть второго, пора вамъ бай-бай... А завтра идемъ вмѣстѣ обѣдать.

— Ну, до свиданія,—сказала она негромко, протянула руку, вскинула глаза и непокойнымъ взглядомъ встрѣтилась съ мрачнымъ взглядомъ студента.

— До свиданія, Надежда Яковлевна,—особымъ, оффиціальнымъ тономъ добавилъ онъ, и голосъ его прозвучалъ глухо.

— Ну, не будьте такимъ, милый Ниль...

Наденька осмотрѣлась по сторонамъ, на секунду задержала взглядъ на темной фигурѣ одинокаго путника, показавшагося въ началѣ переулка, потомъ въ порывѣ нѣжности бросилась къ Баулину, обвила его шею руками и быстро поцѣловала студента въ губы.

Баулинъ какъ-то странно-холодно отозвался на ея поцѣлуй. Наденька почувствовала эту холодность и прошептала:

— Ниль, любите... любите меня...

И голосъ ея дрогнулъ, и глаза блеснули. А Баулинъ ближе придвинулся къ двери и надавилъ бѣлѣвшую въ сумракѣ ночи кнопку электрическаго звонка у двери, какъ это дѣлалъ всегда, когда ночью провожалъ Надю.

Просторный вестибюль за стеклянной дверью озарился свѣтомъ. Сонный швейцарь, съ сѣдыми усами, показался за дверью, загремѣлъ ключомъ.

Когда дверь запахнулась, Наденька сказала:

— До свиданія... до завтра...

И пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— До свиданія, — отозвался онъ и не посмотрѣлъ въ глаза дѣвушки.

И они разстались, какъ обыкновенные знакомые, какъ будто Наденька никогда не сказала этихъ словъ: „Ниль любите... любите меня...“

Пройдя узкій переулокъ, Баулинъ вышелъ на шестую линію и повернулъ направо. Шелъ медленно безмолвной и безлюдной улицей, гулко стучалъ каблуками ботинокъ по камнямъ панели и прислушивался къ звукамъ своихъ шаговъ.

Глухое недовольство Наденькой отзывалось въ немъ какой-то бурной тревогой. Хотѣлось горько стучать каблуками по панели, хотѣлось выкрикнуть что-нибудь бранное, рѣзкое, обидное, и чтобы Наденька услышала это обидное. Хотѣлось ударить ногою въ окно шапочнаго магазина, помѣщающагося въ подвальномъ этажѣ высокаго дома, только бы загремѣть, зазвенѣть на всю улицу. Страсть къ Наденькѣ опалала душу студента Баулина, а она, эта милая, странная Наденька, тушила пламя души, тревожа въ этой душѣ озлобленіе.

„Можетъ быть, такъ и нужно, можетъ быть, не знаю я...—думалъ Баулинъ, прислушиваясь къ своимъ шагамъ.—Можетъ быть, эта любовь моя къ Наденькѣ—зло. А добро—то, что она холодна ко мнѣ... Добро и истина то, чего во мнѣ нѣтъ“...

Не было у студента Баулина тѣхъ же трезвенныхъ мыслей, которыми курсистка Наденька побѣждала свою любовь къ милтому Нилу.

„Нѣтъ палящей страсти въ Наденькѣ, значить, то и есть истина, чего въ ней нѣтъ. Нѣтъ во мнѣ сдерживающихъ центровъ, значить, то и есть истина, чего во мнѣ нѣтъ“...

Баулинъ неожиданно взмахнулъ рукой, повернулся и пошелъ обратно, и еще съ большей неожиданностью выкрикнулъ:

— А-а... чепуха какая... Че-пу-ха-а...

И вотъ, когда онъ просто подошелъ къ самому себѣ, и къ Наденькѣ, и ко всей жизни, потому что вся жизнь для него была теперь въ Наденькѣ и въ любви къ ней,—только послѣ того, какъ онъ назвалъ все это однимъ именемъ „че-пу-ха“, ему показалось, что и умереть не трудно, легко разорвать кольцо жизни.

Съ руками, втиснутыми въ карманы пальто, съ головой, склоненной на грудь, прищуривая глаза отъ вѣтра, шелъ онъ медленно по панели безлюдной улицы и какой-то странной тѣнью ночи рисовался въ сумракѣ. Въ душѣ его было безутѣшно, въ головѣ—пусто. Не было любви къ будущему, не было впечатлѣній отъ минувшаго...

„Но зачѣмъ я былъ неласковъ съ Наденькой?“ пришла къ нему неожиданная мысль. Мелькнула въ пустой головѣ эта мысль, и опять студентъ Баулинъ махнулъ рукою и прошепталъ:

— Че-пу-ха... Че-пу-ха...

И только теперь замѣтилъ студентъ Баулинъ, что идетъ онъ не въ сторону того дома на Шестой линіи, гдѣ жилъ, а возвращается къ набережной Невы.

Почему его привлекла эта набережная? Ужели же темныя воды Невы тянутъ его къ себѣ? И когда онъ остановился у рѣшетки Николаевского моста и коснулся рукою холоднаго чугуна,—только холодъ этой рѣшетки и заставилъ его очнуться.

Плескались темныя воды тамъ, внизу, за чугунной рѣшеткой, въ сумракѣ ночи. Зыблились отблески огней на волнахъ, и трепетали огни, словно плыли по темнымъ волнамъ, плыли и оставались на мѣстѣ, потухая и вновь вспыхивая. Сильный вѣтеръ съ моря обдувалъ лицо Баулина, тревожилъ пряди волосъ у висковъ, холодилъ губы, щеки... Баулинъ закрылъ глаза и въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣннн стоялъ надъ темной водой, и какъ будто засыпалъ безъ сновидѣній или грезилъ безъ красныхъ видѣній.

Раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на темныя волны. Вспыхивали, плыли, потухали огни отраженные. Набѣгали на лицо волны вѣтра

охлажденный. Хотѣлось полетѣть въ волнахъ вѣтра охлажденнаго и слиться съ огнями отраженными, — слиться и плыть, потухать и снова вспыхивать... Легкимъ показалось тѣло, словно крылья выросли за спиною, и поднимала это тѣло сила какая-то. Тянуло къ водѣ и отраженнымъ огнямъ, а руки упирались въ холодный чугунокъ рѣшетки, и Баулинъ силился оттолкнуть себя отъ рѣшетки, отъ темной воды, отъ отраженныхъ мертвыхъ и холодныхъ огней. А потомъ опять его тянуло къ водѣ и огнямъ, хотѣлось перевѣситься черезъ рѣшетку, закинуть сперва одну ногу, потомъ другую, послѣдній разъ придержаться за холодную рѣшетку, опустить голову... еще ниже опустить голову... ниже и ниже... и...

— Милый студентикъ... Ёдемте со мною, — услышалъ онъ за собою нѣжный и красивый женскій голосъ.

Очнулся Баулинъ отъ страннаго сна безъ сновидѣній и оглядѣлся.

Стоялъ на мосту лихачъ на бѣлой лошади, а въ экипажѣ сидѣла молодая женщина въ широкой шляпѣ съ большимъ бѣлымъ перомъ.

Бѣлая лошадь съ бѣлой гривой, бѣлое перо на шляпѣ дамы, — только эти два пятна и замѣтилъ Баулинъ.

— Ёдемте же... ну-у... Что за нужда бродить ночью по темнымъ улицамъ... Вы, пожалуй, еще и въ Неву надумали броситься?...

Слегка подобравъ юбки, дама съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ вышла изъ экипажа и, осторожно ступая по влажнымъ камнямъ мостовой, шла къ Баулину.

Красивая брюнетка, съ кудряшками на вискахъ, смотрѣла на Баулина широко раскрытыми веселыми глазами и говорила:

— Ёдемте же со мною... Мнѣ хочется побыть съ человѣкомъ. Прокатимся по улицамъ. Лихачъ у меня отмѣнный...

Она на секунду обернула лицо къ толстому рыжебородому кучеру, сидѣвшему на высокихъ козлахъ, и весело добавила:

— Никифоръ, прокатимъ студента... А?...

Тотъ улыбнулся всѣмъ широкимъ лицомъ, что-то пробормоталъ въ бороду и натянулъ вожжи, словно готовый прокатить студента, какъ приказываетъ госпожа.

— Ну, ёдемъ же... Я сыта, была пьяна, и мнѣ ничего не надо... Такъ, съ человѣкомъ хочется побыть, а у Контана все свиньи были... Уѣхала я незамѣтно, и мнѣ нельзя домой, хватятся и поскочутъ меня искать... Ну же, ёдемъ...

Она вызывающе хлопнула бѣлой перчаткой по рукѣ студента, а потомъ подхватила его подъ руку и увлекла къ экипажу.

Словно загипнотизированный, шелъ Баулинъ за странной дамой и не сопротивлялся. Что-то простое и ласковое слышалось въ ея пріятномъ и нѣжномъ голосѣ. И смотрѣла дама на Баулина веселыми и добрыми глазами, словно они оба давно уже знакомы и встрѣтились теперь не случайно, заранѣе уговорившись повстрѣчаться на Николаевскомъ мосту.

— Прокатимся по улицамъ, а потомъ и по домамъ... Хорошо? — спрашивала она, усаживаясь въ экипажъ и предупредительно уступая мѣсто студенту рядомъ съ собою на темномъ мягкомъ сидѣннѣ.

Баулинъ только улыбался въ отвѣтъ на слова дамы. Чувствовалъ онъ — покорялась его воля этому милому голосу, а когда глаза его встрѣчались съ взглядомъ темныхъ глазъ незнакомки — и выраженіе этихъ глазъ покоряло его. Какъ будто она — укротительница, а онъ — укрощаемый, слабый и безвольный.

— Никифоръ, — вдругъ выкрикнула она, — назадъ... По набережной до Троицкаго на Каменноостровской.

Рыжій толстый человекъ только ухомъ повелъ, да глянулъ въ сторону, а потомъ и головой мотнулъ и весь перегнулся на козлахъ.

Когда бѣлая лошадь повернулась, и экипажъ двинулся обратно, Баулинъ искоса осмотрѣлъ свою сосѣдку, оглядѣлъ ея изящный костюмъ, заглянулъ въ темные глаза и лицо осмотрѣлъ. А она внимательно разсматривала студента, улыбалась и говорила:

— Ну, познакомимся... меня зовутъ Серафимой...

Баулинъ назвалъ себя и пожалъ ея маленькую теплую руку.

— У меня былъ братъ Сережа, такой же студентъ... Теперь онъ важный адвокатъ и не узнаетъ меня... Ну, и Аллахъ съ нимъ...

Бѣлая лошадь съ бѣлой пушистой гривой повернула съ моста налѣво и быстро понеслась по гладкому торцу набережной. Большое бѣлое перо на шляпѣ Серафимы отклонялось отъ быстрого движенія назадъ и трепетало и билось, какъ крыло бѣлой чайки надъ фономъ темныхъ водъ.

Серафима пригладила пряди растрепавшихся волосъ, поплотнѣе укуталась въ бархатное манто и отклонилась къ спинкѣ сидѣнья, слегка прищурила глаза и не спускала взора своего съ студента.

Двинула плечомъ Серафима, какъ будто хотѣла коснуться имъ студента, и добавила:

— Ну, будетъ вамъ хмуриться... Ба...

— Баулинъ, — подсказалъ студентъ.

— Будеть вамъ хмуриться, Баулинъ... Будемъ говорить о чемъ-нибудь такомъ, веселомъ, интересномъ... Не люблю я хмурыхъ глазъ—пугають они меня, а чѣмъ—не знаю... И вы напугали меня...

— Чѣмъ я могъ васъ напугать?

— Чѣмъ?... Такъ странно ночью стоите одинъ на мосту и смотрите на воду... Развѣ можно такъ... Лѣтъ пять назадъ такъ же вотъ и я смотрѣла черезъ перила Троицкаго моста, смотрѣла на воду, и хотѣлось мнѣ броситься... Ну, тогда были особыя причины... Мнѣ трудно говорить, вспоминать не хочется... И сейчасъ я испугалась. Мнѣ показалось, что у перилъ стоите не вы, а я... какъ тогда... И мнѣ стало страшно... Ну, да, впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ...

Она подняла лицо и черезъ голову Баулина посмотрѣла на ярко освѣщенныя окна бельэтажа какого-то большого и шикарнаго дома на Дворцовой набережной, мимо котораго они проѣзжали. И неожиданно спросила:

— Вы юристъ?

— Нѣтъ, математикъ.

— Математикъ?... Руку, коллега,—выкрикнула Серафима, потомъ расхохоталась весело и добавила:—Вы, навѣрное, подумали, какой же я вамъ коллега? Да? Подумали?...

— Нѣтъ, отчего же, — неловко отвѣтилъ Баулинъ, который только теперь очнулся отъ быстрой ѣзды, пришелъ въ себя и какъ бы стяхнулъ съ себя гипнозъ этой странной женщины.

— Ну, все равно,—взмахнувъ рукою, сказала она.—Лѣтъ пять назадъ я могла бы быть вашимъ коллегой... Впрочемъ, тогда вы, навѣрное, были юнымъ гимназистомъ, а я была уже курсистка... Не вѣрите?...

Она ухватила за руку Баулина и крѣпко сжала ее.

— Не вѣрите?... Ну, пусть — не вѣрите, а я буду говорить, вспоминать. На Бестужевскихъ я была и охотно занималась математикой, а потомъ вступила въ „Лигу любви“. Вы слышали—была такая лига. Впрочемъ, никакой лиги и не было, а просто собирались мы то у меня, то у одной курсистки, то у князя Сашки... Вы слышали, былъ такой князь Сашка, грузинскій князь, не настоящій, и всѣ звали его Сашкой. И казалось, нѣтъ даже другого, болѣе достойнаго имени этому человѣку... И вотъ я полюбила этого князя Сашку, а потомъ и математику бросила. Уѣхали мы весною на Кавказъ къ Сашкѣ князю, а его родные не приняли меня, не признали невѣстой... Вышла скверная исторія. Одинъ изъ родственниковъ Сашки назвалъ меня въ глаза

сквернымъ именемъ, и Сашка вызвалъ его на дуэль и былъ убить... Навѣрное, вы читали объ этой исторіи; въ Эссенукахъ все лѣто говорили объ этой дуэли... Мой князь умеръ, и осталась я одна, а когда пріѣхала въ Питеръ, меня и родной братъ не захотѣлъ признать за сестру... Я оскорбила его, этого прекраснаго адвоката, дала ему пощечину въ его кабинетѣ при свидѣтеляхъ и ушла навсегда отъ своего прошлаго... Съ тѣхъ поръ... Впрочемъ, стоитъ ли говорить, что произошло съ тѣхъ поръ?...

Серафима провела рукою по глазамъ, посмотрѣла на примолкшаго и внимательнаго студента и опять продолжала:

— Скажу я вамъ, Баулинъ, не судите меня, а только слушайте... Можетъ быть, мы никогда больше не встрѣтимся, да и лучше, если не встрѣтимся... Слишкомъ ужъ я опустилась, перестала быть человѣкомъ, а вы—чистый... Знаете, мнѣ даже не хочется быть человѣкомъ. Слишкомъ уже тяжело быть человѣкомъ въ наше подлое время, а лучше жить такъ, какъ хочется, повинувшись слѣпому инстинкту жизни... Я понимаю, и тогда насъ осуждали и подруги, и такіе вотъ, какъ вы, чистые студенты. А сколько писали о „Лигахъ любви“, сыщики и городовые даже ловили насъ, какъ бомбистовъ какихъ-нибудь или экспроприаторовъ... А что мы экспроприровали? Воровали у себя силы и здоровье, радости жизни и покой, и душили все это въ пьяномъ угарѣ и въ оргіяхъ... А почему такъ?... Почему мы тогда такъ жили?... Потому что было скучно жить... Понимаете, было скучно жить... Я гимназисткой была въ Воронежѣ и красный флагъ несла въ рукахъ, когда хоронили рабочихъ и студентовъ... А потомъ наступило отрезвленіе, а развѣ возможно для человѣка, чтобы были такіе переходы: сегодня въ высь, къ небу, а завтра—объ земь. Развѣ можно такъ?... Пріѣхала я въ Петербургъ, поступила на курсы, а здѣсь—уныніе и тоска. И дѣла нѣтъ захватывающаго. Стащила насъ жизнь съ высей поднебесныхъ и хватила объ земь... И поползли мы, какъ черви...

Бѣлая лошадь, поднявъ голову съ пышной развѣвающейся по вѣтру гривой, неслась подъ уклонъ Троицкаго моста. Немного подавшись впередъ, весь напряженный какой-то, точно вылитый изъ упругаго металла, сидѣлъ на козлахъ лихачъ Никифоръ. Вожжи натянулъ, какъ струны, и съ трудомъ сдерживаетъ рѣзвую бѣлую лошадь. Туго натянутыя вожжи еще больше горячили сильную молодую лошадь, и неслась она по Каменноостровскому проспекту, вытянувъ морду, расширивъ большіе красивые темные глаза, въ которыхъ мерцали яркія звѣзды возбужденія, удали и неудержимаго желанія нестись все впередъ и впередъ.

Слегка вздрагиваль экипажъ на резиновыхъ шинахъ, рвался навстрѣчу скачущимъ ночной холодившій вѣтеръ, обдавалъ лицо студента Баулина, теребилъ большое бѣлое перо на шляпкѣ Серафимы. А она щурила глаза и смотрѣла впередъ туда, куда неслась бѣлая лошадь съ бѣлой гривой.

Молчаливыми казались электрическіе фонари на высокихъ столбахъ, а когда быстро несущійся экипажъ пролеталъ мимо фонарей, слышался ровный и протяжный гудъ, тревожно настраивающій душу Баулина. Жалоба встревоженной больной души слышалась въ словахъ его спутницы. И лицо ея, теперь возбужденное, и глаза, широко раскрытые, горячіе, волновали Баулина. Кто она, такая странная въ своемъ ночномъ появленіи? Кто она, такая искренняя и довѣрчивая? Какъ будто долго сдерживала она въ себѣ большыя думы и теперь раскрыла больную душу, кается въ чемъ-то, не прося прощенія, обвиняетъ кого-то, не называя имени обидчика, и говоритъ: трудно быть человѣкомъ.

Какъ это странно, такая простая и ясная мысль въ этихъ словахъ, а она никогда не приходила къ Баулину. Чувствовалъ онъ и зналъ, что трудно жить человѣку, а не могъ дать имя жизни, не могъ опредѣлить, что же такое съ нимъ вотъ уже три-четыре года? А теперь такъ ясно: трудно быть человѣкомъ.

— Трудно быть человѣкомъ?—сказалъ онъ, не то спрашивая Серафиму, не то такъ только, словно невзначай уронивъ эти слова.

— Да, трудно... трудно...—подтвердила Серафима.

Вотъ она пристально посмотрѣла въ глаза студенту и продолжала, какъ будто не прерывая своего потока словъ:

— И вотъ, ползаемъ мы по землѣ, какъ черви, и отправляемъ низшія обязанности; какъ черви—спимъ, ѣдимъ, кутимъ, плодимся и размножаемся, наполняя землю скверными существами, похожими на насъ, такихъ ненужныхъ...

Она немного помолчала и начала вновь тѣмъ же страннымъ, страстнымъ голосомъ самообличенія и покаянія:

— Красота увяла въ нашихъ рукахъ. Не умѣемъ мы жить красиво... Черви, черви, черви!... О-о-о!... какъ страшно, какъ тяжело жить, какъ трудно быть человѣкомъ, грязнымъ, сквернымъ...

И оборвала свою страстную покаянную рѣчь, и отвернула лицо въ сторону, словно боялась встрѣтиться глазами съ взглядомъ Баулина.

Оба они молчали... Неслась бѣлая лошадь по проспекту.

Молчалъ Баулинъ, и новыя тревожныя чувства волновали его душу. Чѣмъ-то властнымъ вѣяло на него отъ этой странной женщины. Говоритъ она, и словно вливаетъ въ Баулина новое

содержаніе, и жизнь и человѣкъ становятся ясными и еще больше пугающими.

Пугаетъ Баулина и эта странная женщина съ именемъ Серафима. Она такъ не похожа на Наденьку. Отчего съ Наденькой такъ скучно, прѣсно, порой неинтересно? Отчего эта Серафима такъ интересна съ своимъ признаніемъ и покаяніемъ? И казалось Баулину, какъ обновилась бы его жизнь, если бы онъ полюбилъ эту красивую и интересную женщину. Черезъ паденіе свое она обрѣла тоску о красотѣ жизни. Черезъ скверны свои осудила въ себѣ человѣка-червя. Черезъ муки свои она подошла къ выводу: трудно быть человѣкомъ. А если бы полюбила Баулина эта женщина, жизнь подхватила бы его, какъ вихрь. И развѣ онъ не нашелъ бы тамъ вдали, въ будущемъ красоты, и развѣ не очистилъ бы себя, не изгналъ бы изъ себя снѣдающаго червя?

Неслась по Каменноостровскому бѣлая лошадь съ бѣлой гривой. Сидѣли въ экипажѣ студентъ Баулинъ и дама въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Билось въ сумракѣ ночи бѣлое перо, какъ крыло бѣлой морской чайки.

Долго Баулинъ смотрѣлъ на бѣлое перо и, наконецъ, спросилъ:
— Но что же дѣлать, чтобы не походить на червя?

Она промолчала, и онъ повторилъ свой вопросъ.

— Что?—переспросила она и отвѣтила:—Я знаю, знаю, что надо сдѣлать.

Разсмѣялась какъ-то нервно и добавила:

— Вы знаете, Австрія объявила войну Сербіи?...

— Да, читаль...

— Теперь всему прошлому конецъ,—какъ бы не слыша отвѣта студента, говорила Серафима.—Ѣду въ Сербію на театръ военныхъ дѣйствій. Пусть возьмутъ меня сестрой, сидѣлкой, кѣмъ угодно, но я Ѣду... Ѣду...

Вначалѣ съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ выслушалъ Баулинъ признаніе своей спутницы. Въ вечерней газеткѣ прочелъ онъ о войнѣ съ Сербіей, подумалъ о сербахъ и вспомнилъ, что они—славяне. Вспомнилъ и о томъ, что года три назадъ его выслали изъ Петербурга на родину и взяли въ солдаты. Онъ отбывалъ воинскую повинность въ одномъ изъ провинціальныхъ кавалерійскихъ полковъ...

А Серафима Власовская продолжала говорить свое:

— Вы, можетъ быть, и въ эти мои слова не повѣрите? Пусть, такъ, можетъ быть, мнѣ и нельзя вѣрить, а я Ѣду въ Сербію... Сегодня вечеромъ сидѣла одна, зашелъ какой-то мало знакомый мнѣ, такъ какой-то „сѣрый“ человѣкъ, и говорить: „Война“.—

Съ кѣмъ?—спрашиваю.—„Австрія объявила войну Сербіи“. Обыкновенно, гости ведутъ у меня пустые, а подчасъ и пошлые разговоры, а этотъ, „сѣрый“, заговорилъ о другомъ. И я рѣшила поѣхать въ Сербію..

Какъ будто новое открытіе сдѣлала для Баулина эта странная женщина, и тотъ человѣкъ, котораго она почему-то называла „сѣрымъ“, вдругъ принялъ новый красивый образъ. Кто онъ?—неизвѣстно, но онъ во-время пожалѣлъ сербовъ и зажегъ въ чужой душѣ новый свѣтильникъ любви къ людямъ.

И Баулинъ подумалъ:

„А развѣ не хорошо бы было, если бы и я поѣхалъ въ Сербію добровольцемъ?“

Но онъ не высказалъ спутницѣ этой своей новой мысли, какъ и она не сказала о своемъ рѣшеніи тому „сѣрому“ человѣку.

Есть у человѣка большія рѣшенія, о которыхъ онъ не говоритъ: имъ соотвѣтствуетъ только большая сила души, которая требуетъ молчаливаго исполненія и жертвъ въ молчаніи.

Какъ сонъ минувшей ночи, вспоминаетъ и теперь Баулинъ эту ночную странную встрѣчу.

Бѣлая лошадь съ бѣлой гривой. Поздній часъ ночи. Пустынные улицы. Дама съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ... Вихремъ неслась бѣлая лошадь, вихремъ пронеслась и эта странная ночная встрѣча.

У подъѣзда одного изъ пятиэтажныхъ домовъ на Большомъ проспектѣ Петербургской стороны бѣлая лошадь остановилась. Серафима вышла изъ экипажа и сказала:

— Всего вамъ лучшаго.

Баулинъ схватилъ дрожащими пальцами маленькую руку Серафимы въ бѣлой перчаткѣ, молча смотрѣлъ ей въ глаза и не отпускалъ этой руки. Какъ же это такъ, ея не будетъ, она уйдетъ, и не будетъ Баулинъ слышать ея милого нѣжнаго голоса?

— Когда же мы увидимся?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ?—спросила она.—Будемъ вспоминать эту ночь, бѣлую лошадь, быструю ѣзду, разговоръ нашъ... Я, можетъ быть, еще вчера хотѣла умереть, уйти отъ этой жизни,—вдругъ шопотомъ сказала она и пристально посмотрѣла въ глаза Баулину,—а вотъ теперь у меня есть цѣль въ жизни.

Она почти насильно вырвала изъ пальцевъ юноши свою руку и добавила:

— Ну, до свиданія... Спасибо вамъ. Сегодня мнѣ хотѣлось побыть съ такимъ, какъ вы...

И ничего больше не сказала Серафима Баулину. Покорила

его своимъ голосомъ, и онъ чувствовалъ, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ, какъ сказала она,—пожметъ ея руку и уйдетъ.

Онъ поднялся съ сидѣнія экипажа и хотѣлъ было сойти, но голосъ Серафимы предупредилъ его намѣреніе.

— Сидите, сидите,—сказала она ему властно, а кучеру, сидѣвшему на козлахъ, повелительно приказала:—Никифоръ, ответьте барина, куда онъ прикажетъ.

— Слушаюсь...

Она улыбнулась, кивнула Баулину головою и пошла къ подъѣзду. И издали крикнула Баулину:

— Если захотите попрощаться—заходите... Я здѣсь вотъ въ пятомъ номерѣ живу...

И Баулинъ видѣлъ, какъ она нажала кнопку звонка и еще разъ посмотрѣла въ его сторону. Но вожжи въ рукахъ Никифора натянулись, дрогнули ноги бѣлой лошади, рванулось красивое животное отъ подъѣзда, подняла голову съ бѣлой гривой и понеслась въ темноту ночи.

Студентъ приподнялся съ сидѣнія и все смотрѣлъ на бѣлое перо на шляпѣ Серафимы. И хотѣлось ему ухватиться за плечи Никифора, остановить бѣлую лошадь, вернуться къ подъѣзду, около котораго все еще стояла Серафима. Такъ явственно, такъ замѣтно выдѣлялось въ темнотѣ ночи бѣлое перо на ея шляпѣ.

Онъ сидѣлъ въ быстро мчавшемся экипажѣ, и какимъ-то блѣднымъ силуэтомъ рисовался передъ нимъ образъ Наденьки, которая такой не похожей на Серафиму казалась ему.

Случайна была его встрѣча съ странной женщиной, но и въ той встрѣчѣ есть вѣдніе судьбы. Теперь можно жить и Баулину. Пусть, что будетъ, но онъ горитъ теперь и знаетъ онъ, что и имъ найденъ смыслъ жизни.

Какъ грозный ураганъ, понеслись событія. Петербургъ сталъ неузнаваемъ. Объявили указъ о мобилизаціи. На улицахъ города появились толпы людей, и были это какія-то новыя толпы новыхъ людей. И Баулинъ какъ-то сразу сталъ ощущать свою близость со всѣми. Онъ, какъ и многіе,—въ первыхъ рядахъ людей, онъ—герой этихъ новыхъ дней жизни. Подаль заявленіе въ университетъ о временномъ увольненіи по случаю мобилизаціи и примкнулъ къ разнохарактерной толпѣ такихъ же, какъ и онъ, запасныхъ.

Возбужденнымъ и веселымъ влетѣлъ онъ къ Наденькѣ и крикнулъ:

— Надежда Яковлевна, я на войну... Призванъ изъ запаса.

Глаза Наденьки вдругъ стали большіе и неподвижные и тем-

ными они стали и потускнѣли, а щеки залила мгновенная блѣдность. Она не произнесла ни слова, а только подняла руку и пальцами провела по глазамъ, какъ будто хотѣла сдвинуть съ глазъ какую-то завѣсу, мѣшающую ей видѣть прежняго милаго Нила.

— Позвольте, какъ же это?—наконецъ, спросила она.

— А такъ. Видите...

И Баулинъ указалъ рукою на кокарду, прицѣпленную къ лацкану тужурки, и, поднимая то одну, то другую ногу въ большихъ сапогахъ, добавилъ:—Вотъ и сапоги купилъ, девять рублей заплатилъ...

Грустная и подавленная, но тихая въ своей грусти, сидѣла Наденька у стола и подпирала рукою голову, словно она вдругъ отяжелѣла отъ новыхъ думъ. Нилъ расхаживалъ по комнатѣ, какъ-то по-новому громко топоталъ каблуками большихъ сапогъ и говорилъ о томъ, какъ онъ пойдетъ бить нѣмцевъ.

Потомъ онъ неожиданно остановился около Наденьки, наклонился къ ней, взялъ ее за руку выше локтя и сказалъ:

— Наденька, ужели ты не рада, что твой Нилъ сталъ хорошимъ и значительнымъ?...

Она вздрогнула и подняла глаза. Такъ неожиданно зазвучалъ его голосъ новыми нотками. Такъ неожиданно назвалъ онъ ее Наденькой и сказалъ: „твой Нилъ“...

Не поднимаясь со стула, она протянула къ нему руки, а онъ еще ниже склонился къ ней.

Наденька зарыдала и тихо сказала:

— А меня оставишь... А какъ же я?...

— Надя, но неужели ты за эти дни не почувствовала, что значитъ для насъ всѣхъ родина? Я только теперь понялъ это слово...

Наденька закрыла глаза ладонями, словно застыдилась себя самой, и замолчала.

Они долго говорили въ этотъ вечеръ о новой жизни всего города. Ходили на набережную и гуляли въ темнотѣ ночи и опять говорили, и оба были какіе-то серьезные, сосредоточенные. Вся прежняя жизнь казалась имъ ушедшей куда-то и уступившей мѣсто для новыхъ переживаній.

А улицы города, несмотря на поздній часъ ночи, были шумны и многолюдны, какъ и днемъ. Не спалъ большой городъ, не спали люди, озабоченные новымъ. Казалось, что въ этотъ вечеръ и вагоны трамвая катятся быстрѣе, и извозчики куда-то спѣшатъ. Повсюду на улицахъ попадаютъ люди съ кокардами на шляпахъ или на картузахъ, а многіе, какъ и Баулинъ, прицѣпили кокарды или къ лацканамъ пальто и пиджаковъ, или просто на грудь.

У академіи, недалеко отъ молчаливо лежавшихъ сфинксовъ, Баулинъ и Наденька встрѣтили военскій обозъ. Что-то громоздкое везли на большихъ телѣгахъ, и крупныя лошади важно ступали крѣпкими ногами по мостовой. А около возовъ гарцовали на своихъ юркихъ лошадяхъ казаки съ пиками, съ винтовками черезъ плечо. На Николаевскомъ мосту какіе-то люди вели лошадей, а по панелямъ моста взадъ и впередъ шли люди съ кокардами на фуражкахъ.

— Смотри, Надя, Дононъ во что превратился,—сказалъ Баулинъ, когда они проходили мимо зданія шикарнаго ресторана.— Здѣсь сборный пунктъ.

Широкія и большія окна ресторана были освѣщены, и на свѣтломъ фонѣ теперь видѣлись силуэты головъ, плечъ какихъ-то людей. Люди ходили въ фуражкахъ и шляпахъ, и шумные потоки человѣческихъ голосовъ доносились изъ широко раскрытыхъ оконъ бывшаго помѣщенія шикарнаго ресторана.

— Видишь, Надя? Еще нѣсколько дней назадъ пресыщенные люди проводили здѣсь въ кутежахъ цѣлыя ночи, а теперь за этими окнами—люди, которые идутъ на смерть...

Долго ночью ходили они по улицамъ оживленнаго города... Шли люди толпами и пѣли гимнъ и молитвы, и несли флаги.

А когда на другой день вечеромъ Нилъ ушелъ со сборнаго пункта и попутно зашелъ къ Наденькѣ, дѣвушка встрѣтила его съ нѣжной радостью, и не успѣлъ онъ притворить за собою двери, какъ она бросилась къ нему на грудь и быстро заговорила:

— Нилъ, и я ѣду на войну...

— И ты?... Молодецъ...

Онъ поцѣловалъ ее и ласкалъ.

— Можетъ быть, маму и испугаетъ мое рѣшеніе... вѣдь я—единственная дочь, но...

Она не договорила своей фразы и внимательно посмотрѣла въ глаза Нилу.

Прошло двѣ недѣли. Нилъ Баулинъ ходилъ теперь уже въ хаки, съ погонами, съ фляжкой черезъ плечо, и на задкахъ его сапогъ позвякивали шпоры. Жилъ онъ въ казармахъ и съ большимъ аппетитомъ ѣлъ щи и кашу изъ общей съ товарищами большой чашки. По утрамъ назначалась въ манежъ ѣзда на лошадяхъ и производилось ученіе наскоро, чтобы запасные могли припомнить старое. Нилу досталась высокая и стройная бѣлая лошадь, напоминавшая ту, которая когда-то несла по Каменноостровскому его и Серафиму.

Серафиму тоже теперь уже не узнать въ костюмѣ сестры милосердія. А Наденька еще не успѣла спить себѣ костюма сестры, все ждетъ изъ дома денегъ, но и она преобразилась, какъ и Серафима. Теперь уже онѣ друзья и нерѣдко видятся и говорятъ все о войнѣ и о томъ, куда кого назначать. Хотѣлось было имъ вмѣстѣ, но Серафима нашла какія-то связи и ее назначили въ госпиталь въ Вильно. Скоро она должна была выѣхать въ дѣйствующую армію.

А вотъ наступилъ день, когда и Нилъ двинулся въ дѣйствующую армію. Наканунѣ отъѣзда написалъ онъ письма, и много писемъ писалъ: матери и отцу, сестрамъ и братьямъ, а потомъ друзьямъ дѣтства. И въ каждомъ письмѣ спѣшилъ сообщить, что вотъ на-дняхъ ѣдетъ, но куда—неизвѣстно. Ёдетъ туда, куда ѣдутъ и другіе, какъ и онъ.

Наденька распрощалась съ Ниломъ у воротъ казармъ, гдѣ временно помѣщался готовый къ отправкѣ эшелонъ кавалеристовъ. Когда Нилъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ ее и быстро отошелъ, она покачнулась, но удержалась на ногахъ и только закрыла глаза: не хотѣлось ей, чтобы солдаты, стоявшіе у воротъ казармъ, видѣли слезы.

А черезъ недѣлю и Наденька получила назначеніе и выѣхала на мѣсто работы, въ тылъ арміи, на границѣ восточной Пруссіи.

Въ пути до мѣста боя Нилъ все время былъ какой-то возбужденный. Томила долгая дорога, остановки на какихъ-то станціяхъ, и хотѣлось скорѣе долетѣть до того мѣста, которое теперь въ его представленіи было мѣстомъ съ именемъ *война*. По временамъ какой-то странный, новый страхъ овладѣвалъ его душою, и вдругъ ему казалось, что что-то надо пожалѣть, что чего-то онъ уже никогда не увидитъ. Вспоминалось прошлое, связанное съ его дѣтствомъ и юностью, вспоминались мать и отецъ. Особенно ясно представлялъ себѣ Нилъ мать свою плачущей. Не мало онъ видѣлъ въ разныхъ городахъ такихъ матерей, которыя со слезами на глазахъ провозжали своихъ дѣтей, и ему представлялось, что и его мать именно также идетъ за какой-то толпой солдатъ и плачетъ.

Вставали живыми передъ нимъ и образы Наденьки и Серафимы, и почему-то хотѣлось думать, что съ ними онъ непременно повстрѣчается гдѣ-то тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя носятъ одно имя—*война*.

А вотъ и первый разсвѣтъ тусклаго дня на полѣ брани. Съ вечера наканунѣ онъ, какъ и другіе въ полку, слышалъ отдаленную пушечную канонаду. Цѣлый день мимо нихъ по улицѣ

маленькаго еврейскаго мѣстечка шла пѣхота, провозили артиллерию, а навстрѣчу свѣжимъ войскамъ ѣхали санитарныя каретки и простыя телѣги везли раненыхъ. А за телѣгами медленно шли и тѣ легко раненые, которые еще могли держаться на ногахъ. Нилъ безъ боязни встрѣчалъ раненыхъ, ему было только жалъ ихъ, страдающихъ и стонущихъ. А тѣ, которые молчали и неподвижно лежали въ санитарныхъ кареткахъ,—тѣ казались мертвыми, и въ душѣ Нила поднималось глухое, но упорное желаніе отомстить за нихъ.

Вотъ оно, живое, настоящее впечатлѣніе войны. Въ Петербургѣ да и въ дорогѣ война казалась тамъ гдѣ-то, далеко и еще не ощущалось ея страшныхъ голосовъ, а въ эту ночь они до разсвѣта слышали отдаленную канонаду. Свѣтила въ небѣ ясная и полная луна, и странныя тѣни лежали на землѣ. Солдаты не спали, лежа въ палаткахъ, и слышался несдержанный говоръ. Но люди эти не говорили о войнѣ, какъ будто ея и не было и какъ будто они выѣхали съ насиженныхъ мѣстъ только для маневровъ.

А вотъ и первое утро на полѣ сраженіи. Тянутся войска по ровной дорогѣ подъ прикрытіемъ лѣса. Мимо чьихъ-то неубранныхъ полей проходитъ пѣхота, легкой рысью проѣзжаетъ артиллерія, а впереди всѣхъ кавалерія, и Нилъ скачетъ на своей бѣлой лошади.

Напоминаетъ ему эта лошадь ту ночь и Серафиму, но новыя впечатлѣнія новаго дня затушевываютъ прошлое. Рядомъ съ нимъ по обѣ стороны скачутъ его товарищи по эскадрону. Перебрасываются мужички, только что оторванные отъ пашенъ, впечатлѣніями, говорятъ объ урожаѣ ржи на чьихъ-то еще не убранныхъ поляхъ. Можетъ быть, это врагъ сѣялъ и ожидалъ урожая: они такъ близко отъ границы съ Пруссіей, что не разберешь, гдѣ же граница, отдѣляющая поля двухъ враждующихъ народовъ.

А надъ полями кружатся стаи воронъ и галокъ.

Представленіе о пространствѣ утратилось, и время словно потеряло свой смыслъ. Ѣдетъ Нилъ на рослой бѣлой лошади и вотъ уже часъ или два видитъ впереди себя однихъ и тѣхъ же всадниковъ. Въ овражкѣ не видны были клубы сѣраго дыма за лѣсомъ, откуда доносилась канонада пушечной пальбы и еще какой-то гулъ. Это слышался вой пуль, носившихся надъ полемъ брани: пѣхота стрѣляла пачками, а ей вторили пулеметы.

Миновали овражекъ, миновали лѣсъ съ рѣчкой и выѣхали въ поле, надъ которымъ кружились галки и вороны...

Дальше Нилъ уже ничего не помнитъ. Быстро мчался онъ все впередъ и впередъ. И бѣлая лошадь уносила его къ неизвѣстному будущему...

В. Бруснянинъ.